

ЛЕВ ДРУСКИН

ЛЕДОХОД

ЛЕВ ДРУСКИН

ЛЕДОХОД

ПОЭМЫ И СТИХОТВОРЕНИЯ

ЛЕНИЗДАТ • 1961

«Ледоход» — первая книжка поэта Льва Друскина. В своих произведениях автор предстает перед читателем как активный участник замечательных дел народа. Он говорит о простых советских людях, о чувствах их, о патриотизме.

Отличительная особенность творчества Льва Друскина — простота, лиризм, задушевность, оптимизм. Этот оптимизм тем более ценен, что поэт с детства прикован к постели.

Книга Льва Друскина — это не только стихи, это и живое свидетельство его мужества, свидетельство неустанного служения поэта советской Родине.

Александр Прокофьев

П О Э М Ы

И поступь его мерзкую схватив,
И хруст садов,

и горя вздохи тяжкие,
Выстукивают пальцы тот мотив,
Как будто смерть бредет, стуча костяшками.
Плывет над миром мертвенный оскал,
Гудит набат,

бушует воздух пламенный,
Скользят дома в дымящийся провал,
Ныряют рощи в огненные ямины.
Пришла пора кастета и ножа!
Преступник старый,

по замашкам узанный, —
Сметая всё,

беснуясь и визжа,
Идет война походкою разнузданной.
Стучат костяшки мертвые, стучат,
Захлебываясь кровью, стонет Родина...
Но грохоту и лязгу вперехват
Стремительно рождается мелодия.
Она, как солнце, рассекает мглу,
Она слепит и гонит смерть-насильницу...
И он рванулся,

бросился к столу,
Скатилась крышка, звякнув о чернильницу.
Мерцали двух коптилок язычки,
Летело мимо время убыстренное,
Впивались нот кричащие крючки,
Перо бумагу рвало исступленное.
Он весь горел желанием одним:
Еще рывок...

Еще одно мгновение...
И вот она предстала перед ним,
Симфония —

в чудесном озарении.

Она стоит, себя до дна раскрыв,
Она зовет в кипенье звуков броситься.
Не упустить бы...

Вот еще мотив,

Вот нотка малая...

А тоже просится!

И, опаленный творческой мечтой,
Он пьет горстями этих струн кипение:
То из финала горсточку,

а то

Репризы горсть,

а то опять вступление.

Потом придет упорный долгий труд,
Где каждый звук, как цифра, проверяется,
Но именно сейчас,

сегодня,

тут

Судьба его симфонии решается!

Не упустить бы...

Только бы успеть

Всё удержать,

воздвигнуть это здание,

Чтоб жило всё в нем:

и валторны медь,

И умных пауз звонкое молчание,

И скорбь...

Неправда!..

Скорби в мире нет.

Звучат напевы — легкие и нежные:

Надежда,

юность,

ветерок,

рассвет,

И поле,

и ромашки белоснежные.

Но снова,

счастье светлое смутив,
Забыв про поле с белыми ромашками,
Выстукивают пальцы тот мотив,
Как будто смерть бредет, стуча костяшками.
Большое тело фронтом распластав,
Ползет война гремящими колоннами,
Но у железных питерских застав
Ее сдержала воля непреклонная.
И вот он,

вот он,

вот он Ленинград!

В глаза ей смотрит,

крепнет,

не сгибается...

Что это — взрыв?

Нет, просто в дверь стучат,

И то тихонько... Громко не решаются.

«Войдите же!»

И дверь раскрыв совсем,

Вошедший опалил словами жаркими:

«Товарищ Шостакович!

Надо всем

На крышу... Немец сыплет зажигалками».

И он широким шагом молодым —

Так входят лишь в легенду и в историю —

Взбегает вверх по лестницам крутым,

Чтоб защищать свою консерваторию.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Линеек нотных войсковой парад:

Враг будет смят могучими усильями!

Но звуки-буревестники молчат, —

Им трудно жить со связанными крыльями.

Но поздно...

Расправляет он листки.

Пусть дышат звуки...

Фронт прошли...

Спасение...

Их примет, как разящие клинки,

Народ советский на вооружение!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

...И Тосканини палочкой взмахнул, —

Седой орел,

паря над партитурами,

Любовно на пюпитре развернул

Симфонию, овеянную бурями.

Огромный зал сегодня тесноват,

Столпились все у музыки в преддверии...

О, как они по-разному глядят!

С тревогой,

с любопытством,

с недоверием...

Корреспонденты

остреньким словам

Дают приказ начать работу лживую...

Но, искрами ударив по сердцам,

Царицей входит тема горделивая.

В ней —

свет и воздух, мудрость и любовь,

В ней —

мужества и разума сплетение,

Медовое дыхание садов,

Свободной жизни пышное цветение,

И гимн труду,

и песенный прибой,

И откровенье голоса правдивого:

И в уши тем, кто к радио приник
(Сквозь пламя звуков —
мечущихся,
реющих),

Наушники вжимали острый крик
О гибели,

о пулях нежалеющих.

Огни реклам в пространстве разметав,
Разбег волны взрезая кромкой берега
И голову испуганно подняв,
Прислушивалась к грохоту Америка.

. . . . .
В тугой комочек сжалась тишина,
И замер зал...

Так вот оно...

Решается...

И слышно:

исполинская страна

Железными рывками выпрямляется.

Она заносит свой заветный меч

(Борцы за мир,

стихи примите в дар мои!),

И с богатырских рук ее и плеч

Летят на землю вражеские армии.

Она идет сквозь бурю напролом, —

Страна Советов,

гневная,

свободная, —

Закрыв собой не сундуки с добром,

А счастье мира,

счастье всенародное.

Она от юга до полярных льдов

Дрожит в разливе топота тяжелого,

И пятится война от городов,

Что, как бойцы, в бою сложили головы.

О, разве это музыка?

«Воспрянь!» —

Приказывают струны вдохновенные.
Свет борется со тьмой.

И стерта грань
Меж залом и бушующей вселенною.
И солнца край выходит из-за туч —
Огромный,

яркий,

брызнувший алмазами.

Народ-защитник славен и могуч.

Что будет с нами?..

Музыка, рассказывай!

Салют, салют, грохочущий окрест,

Победы ликование весеннее..

И люди в зале приподнялись с мест,

Еще не веря жизни и спасению.

Святую волю — как она нужна! —

Вдохнуло в них всемирное отечество.

Да здравствует советская страна —

Великая надежда человечества!

А тем, кто лгал, плести другую нить,

Для клеветы искать иные поводы:

Им больше нечем,

нечем возразить

На музыки сверкающие доводы.

И места нет —

что сделалось с душой? —

Словам привычным:

прибыль,

курс,

политика...

Довольно ждать!

Откройте фронт второй! —

Концертный зал гудел бурлящим митингом.

Здесь каждый память сохранил в себе
О звонком,

о ликующем пророчестве...

И Тосканини о своей судьбе

Задумался в глубоком одиночестве.

Огонь великой музыки угас, —

Кого дарить несметными щедротами?

Идет на смену твякajúщий джаз,

По шумным барам семенит фокстротами.

Банкиры,

знать,

тяжелая мошна

(Им в жертву всё обречено заранее!)

Задешево —

такая уж цена! —

Скупают совесть,

мысли,

дарования.

Им ни к чему искусства благодать,

Им разводиться не время антимионии,

Они готовы тут же променять

На новый блюз Девятую симфонию.

Они царьки.

Чтоб позабавить их,

Экраны кровью льющейся запятнаны,

Картины в толстых рамах золотых

О жизни лгут уродливыми пятнами.

Как гнойный прыщ, вздувается молва.

(Жратву получишь, только заслужив ее!)

Голодные,

продажные слова

Бегут с пера в погоне за наживою.

Ты оступись? Ты попал в должок?

Ну что ж!

Пути к прощению открыты ведь!

И этой горькой боли не унять,
Не остановит сердце плача трудного,
А Родина —

всевидающая мать —

Уже давно простила сына блудного!

А Шостакович

с думой о Кремле

Глядел на Запад, бурями расшатанный,
И шло его искусство по земле
Народа богатырского глашатаем.

Художник!

Воин!

Сын своей страны!

Свидетель дней счастливых и волнующих!

Клейми зловещих воронов войны,

Сметай их бурей звуков негодующих.

Ты нам несешь свой драгоценный груз,

Твоя надежда творческая сбудется,

И лодка мысли в бушеванье чувств

Придет к желанной цели, не заблудится.

Какое ты подаришь торжество!

Какие звуки, гнева опаленнее!

Уже стоит у сердца моего

Тобою не рожденная симфония.

ЗДРАВСТВУЙ, ОТЕЦ!

Отрывки из поэмы

ВСТУПЛЕНИЕ

Лена, Лена...

Что ты смотришь, Лена?

Я к твоим окошкам не ходок...

Всплески ветра,

кружевная пена

И разлуки острый холодок.

Но лицо любимое

из кружев

Проступает, чтоб мечтой обжечь,

И пчела обманутая кружит

У медовых от загара плеч.

Погоди... Да как случилось это?

Помню:

блеск профессорских очков,

Коридоры университета,

Стук вбежавших в сердце каблучков,

«Гаудеамус», строгие колонны,

Ослепительное слово: «Верь!»

И, к счастливым парам благосклонный,

Добродушный, древний полузверь.

Там,
у сфинкса,
в зареве заката,
Ты вошла, как песня, в жизнь мою.
Почему ж теперь
среди волн крылатых
Я тебя вблизи не узнаю?
Ветра стон —
то тенором,
то меццо,
Реют альбатросы...
Где же ты?
Может, нужно пристальней взглядеться,
Чтоб узнать любимые черты?

«Лена», «Лена», — нежно повторяют
Люди, что совсем тебя не знают.
Не ломай же удивленьем бровь,
Мне в том слове слышен смысл новый:
Это наш корабль, отплыть готовый,
Это наша общая любовь.

1

Я вижу вновь:
калининградский мол,
Малыш-буксир, пыхтящий и старающийся...
Так собачонка тянет за подол
Девушку,
притворно упирающуюся.
А та,
оглядываясь и смеясь,
Никак родных покинуть не решается:
Она душою с ними обнялась
И всё же шаг за шагом удаляется.

Глаза с внимательным прищуром,
 Крутой излом упрямых губ,
 Чуть-чуть пиратский,
 Залихватский,
 Мальчишеский и милый чуб,
 Бровей задорных росчерк броский —
 Весь этот юношеский лик
 Короткой вспышкой папироски
 Из мрака выхвачен на миг.
 Пусть небо пылью снеговой
 Швыряет вниз в бессилье злом, —
 На палубе уселись двое
 У самолета под крылом.
 Грохочет море.

«Ну и ночка!» —

«Жена писала: сына ждет». —

«А если дочка?» —

«Что ты — дочка!

Такая разве подведет?»

И спичка чиркнула:

«Гляди!»

И струйка света задрожала
 На той, что столько дней лежала,
 Припав лицом к его груди.
 Казалось, ожил глянец снимка:
 Сюда собрались всем селом,
 Стояла парочка в обнимку
 Над белым свадебным столом.
 Смутилась, стихла озорная,
 В руке опущенной — цветы...
 А парень... парень...

Я же знаю!

Послушай, Хмара,

это ты.

Глаза с внимательным прищуром,
Крутой излом упрямых губ,
Чуть-чуть пиратский,
Залихватский,
Мальчишеский и милый чуб.
Но по глазам —

горячим,

карим,

По трем морщиночкам на лбу
Я не сумел прочесть, товарищ,
Твою высокую судьбу.

3

Цистерн гигантских белые шары,
Чащоба мачт в слепящем снежном пухе:
Здесь кораблей набилось,

что икры

В раздувшемся, огромном рыбьем брюхе.
А город —

к порту хлынувший прибой —

Раскинулся,

бурлит от сил излишка,

И самолет,

проворный как мальчишка,

Рекламы змея тащит за собой.

Шум, кутерьма...

Но прошлое упрямо,

И шрамы от когтей его видны.

Стоим мы кучкой —

гости Роттердама —

У памятника «Ужасы войны».

И стонут камни —

жалобно и грозно;

Чтоб ни на миг забыть мы не могли

О тех,

кто тянет провод смертоносный
К пороховому погребу земли.
Костыль...

Калеки кашель глуховатый...
Кому он нужен — волчий вой беды?
Еще земля —

застенчиво и свято —
Хранит Семена Дежнева следы.
Еще и солнцу помнится, наверно,
Как для Седова поднимало ртуть,
Как шло за парусами Крузенштерна,
Как Чкалову подсказывало путь,
В тиши настороженных кабинетов,
В минуту жизни трудную

не раз
Их лица энергичные

с портретов
Смотрели испытующе на нас.
Нет,

пламя мысли не задует вьюга!
Мечта поспешно делает ходы...
И кажется сейчас:

шагнешь за угол,
И сразу — антарктические льды.
И взгляд земли —

измученной,
суровой —

Светлеет, тени прошлого гоня.
Ученые,

сегодня ваше слово,
Пожалуйте — на линию огня!

. . . . .
. . . . .

Я не поэт...

Пускай пылится лира...
Напыщенные фразы мне смешны...
Но мы и впрямь стоим как символ мира
У памятника «Ужасы войны».

4

Альбатросы летят,
альбатросы;
Хлопья пены белее ягнят:
До отказа натянуты тросы,
Как эолова арфа звенят.
Мчится женское сердце отважно
Телеграммой вослед кораблю,
Чтоб услышал я
с ленты бумажной
Два аккорда:
«Целую!.. Люблю!..»
И качаясь в соленом просторе,
Не сдержав ликованья в груди,
Крикнул ветру,
и солнцу,
и морю:
«Сколько счастья еще впереди!»

5

Атлантики соленые хребты
Холодное пространство озирают.
Они друг с другом, может, и на «ты»,
Но нас определенно презирают.
В солидном окружении таком
Себя я снова чувствую мальчишкой.

Не птиц, а рыб летучих суета,
И всё ж мы — не чужие в этом мире!
Мы видим всё:

и дым, летящий вкось,
И даль, что синим блеском осиянна,
И солнце, пронизавшее насквозь
Бесчисленные гребни океана.
И средь упруго дышащих громад,
На палубе,

под синью небосвода —
Бойцы геофизического года
В доспехах знаний с головы до пят.

Взгляни на них и опусти свой взгляд:
Придется сдаться, матушка-природа!

. . . . .

6

Над бутылкой непочатой
С визгом пляшут арапчата.

Бассейн,
призывный рокот струн,
Помоста гладь широкая,
И вперевалочку Нептун
Идет,

по-волжски окая.
Сверкают капли в бороде,
Сбегают струйкой тоненькой...

(Он полчаса сидел в воде —
Дышал через соломинку.)

Корона — шик!

Трезубец — во!

Осанка сановитая!

И арапчата вокруг него
Галдят чумазой свитою.
По пояс гол —

хоть загорай!
Трясет плечами полными,
И по толпе
из края в край
Веселье ходит волнами.

Эй, матросы!
Чтоб счастье взмахнуло
крылом,
Чуду-юду подводному бейте челом!
Шлём владыке пути океанского
Хлеб да соль, да бутылку шампанского.

Аж крякнул ряженный добряк:
«Вот это угощение!»
Короткий шаг,
Трезубцем — бряк:
Пора начать крещение.
К Нептуну в гости каждый зван.
Купаться не хотите ли?
И прямо в воду капитан
Летит в парадном кителе.
Властитель бурь, в усы фырчи,
Крещеных чаркой жалуя!..
Бородачи и усачи
Визжат, как дети малые.
А я —
сторонкою,

бочком
Крадусь в кают-компанию,
Чтобы, склонясь над дневничком,
Заняться графоманией.

Весь экипаж, как в лихорадке...
 Рубя ладонью мясо строк,
 В своей промасленной тетрадке
 Стихи записывает кок.
 Старпом старается на совесть,
 Худеет от ночных трудов,
 И под подушкой пухнет повесть
 «В стране безмолвия и льдов».
 Гидролог шепчет неустанно,
 Радист летит по рифмам вскачь,
 Полны невысказанных планов
 Два гляциолога и врач.
 И даже Хмара мой чудачит...
 «Писак» высмеивает,

но

Сам от меня смущенно прячет
 На пальце синее пятно.
 А я...

Ну чем я лучше прочих?
 Раскрыв блокнот исподтишка,
 Раскладываю дни и ночи
 Я по страницам дневника.
 Луна-проныра —

ну и наглость! —

В дневник заглядывает мой...
 Сижу один я

с глазу на́ глаз

С тысяче́летней тишиной,
 Лишь ветерок ночного понта
 Щеки коснется иногда
 Да от кормы до горизонта
 Фосфоресцирует вода.

. . . . .

Ты помнишь пáруса сверканье?
(Недаром Грин стучался к нам!)
Вот-вот вдали

мелькнет в тумане
Лицо Бегущей по волнам.
За белым облачком сердитым
Луна исчезла, не дыша.
И мне шуршит блокнот:

«Да спи ты,

Неугомонная душа!»
Уснул простор,

уснули люди,
Пластами тишина спрессована...

Как хорошо, что бурь не будет,
Что всё с Нептуном согласовано!

8

Начинается свистопляска!..
Тучи снизились над водой,
Ходят волны, зубами ляская
И косматой метя бородой.
Верьте мне:

не бывал в переделке,
Кто не видывал шторма таковского...
Со стола удирают тарелки,
Ловим их, вспоминая Чуковского.
Холодком и бывалых прохватывает,
Ну а я увидал впервые
Бесноватые пятидесятые
И ревущие сороковые.
И чтоб пуще подбавить страха
(«Эй, не лезь!

Далеко ль до беды?»),

Лапы ветра швыряют с размаха
Очумелые тонны воды.
Всё сильнее накал этой злости:
«Расшибу!

Исковеркаю вдрызг!»

Но стоит капитан на мостике,
Весь изжаленный пчелами брызг.
Не хлопущи ли — волн канонада?
Грохот грома — не треск ли шутих?
И отчаявшись,

всею громадой

Шторм расхристанный ломится в стих.
Крутит рифмы свирепым разгулом,
Строфы дерзкие бьет по щекам
И проходит немолчным гулом
По качающимся строкам.

. . . . .
. . . . .

Сколько раз обещал я Лене,
Что не буду писать стихов!
А возьмет на прицел впечатление,
Бросит в холод и в жар — и готов.

9

«Где воздух от бензинного
Запаха

прогорк,

Кичась домов махинами,
Раскинулся Нью-Йорк.
Пинком Свободу выставив
На островок,

в залив,

Он тянется неистово
К богатствам всей земли.

К нему

из царства голода
Рабов кровавый пот,
Перегоняясь в золото,
По щупальцам течет.
Шурша листами ватмана,
Заводами урча,
Он бредит бурей атомной
С ухмылкой палача.

Чтоб взметнув

пылающий факел
Над лохматою гривой дыма,
Землю всю превратить в Нагасаки,
Землю всю превратить в Хиросиму.
Чтоб не жизнь

была у банкиров,
А блаженное
вечное скотство:

Чтобы им

на развалинах мира
Утвердить мировое господство...»

Гудят в ушах Нью-Йорка улицы,
И по сердцам проходит ток,
И лектор близоруко щурится,
Расправив на столе листок.
И к нам,

с назойливостью патера
(Уж не подослана ль она?),
Подняв лицо к иллюминатору,
Глядит с хитринкою волна.
Безмерны дали синемлузые,
Ничтожна точка корабля...

Седые горы-невидимки
Несет навстречу океан...
Где мы с тобой такой туман
Видали?

        Может быть, в «Максимке»?
Как ахнет этой горой —
Вот и готова рыбам пища,
И перевернутое днище
Зияет рваною дырой...
Постой!

        А мужество?
                        А разум?
Застать врасплох?
                        Да никогда!

Локатор
        электронным глазом
Найдет лицо твое, беда!

И вдруг —
        удар тысячетонный...
Сигналы бедствия...

        Аврал...
Не может быть!..
        А электронный?..

И электронный проморгал!
И страх всплеснулся
        черным дегтем...

Как хорошо, что в этот раз
Природа выпустила когти,
Почти не оцарапав нас!

А величавая гора
Уже скрывается из вида,
Как бы безмолвно говоря:
«Предупреждаю. Антарктида».

Еще совсем свежо и рано,
 Но вновь мы с Хмарою вдвоем:
 Седой простор киноэкрана
 Мы вспоминаем,

а на нем

Какой готовится скачок!..
 Студенты лезут вон из кожи,
 И суетится старичок,
 На Циолковского похожий.
 Мы не волшебники,

мы люди,

Мы только зрители сейчас!
 Но на межзвездном этом чуде
 Найдется место и для нас.
 Вокруг —

зеленый океан...

Щебечете?

Зачем сердиться?..

Вам не догнать ракетоплан —
 Вы слишком устарели, птицы!

Берем мы чудо-аппарат, —
 Он всё запомнит и запишет:
 Прислал игрушки комбинат
 Для селенитских¹ ребятишек.
 Берем бинокль полевой,
 Стихи поэтов знаменитых,
 Берем Ботвинника с собой, —
 Теперь держитесь, селениты!
 Его фигуры наповал
 Фигуры вражьи убивают:

¹ Селениты — фантастические жители Луны.

Медведь пещерный вышел из засады,
Скалой меж скал

чернеет мастодонт.

И ты —

советский парень,

комсомолец —

Глядишь, привстав:

кто там зарылся в снег?

Неандерталец?

Или кроманьонец?

Или косматый «снежный человек»?

Протрешь глаза —

и сразу нет виденья...

Природа, в лед запаянная, спит.

А всмотришься — опять!

• Фу, наваждение!

Ведь надо же!

Да это снег слепит!..

Два айсберга стоят с угрюмым видом,

И мы —

как у распахнутых ворот.

Магнит отважных духом — Антарктида,

Чудесная Страна Наоборот!

Ну что же, друг,

для первой встречи

Мороз не очень-то лютует:

На ружей громовом наречье

Нам «Обь» с восторгом салютует.

И любопытную лавиной

Спешат смешные полуптицы...

Привет, товарищи пингвины,

Придется малость потесниться!

Обступают лысые
Ледники,
Ледяные высунув
Языки.
Черные,
                    зловещие —

Там и тут —
Выползают трещины:
Жертвы ждут.
Рухнешь, весь израненный,
И — каюк!
Северным сиянием
Дразнит юг.
А у ног могучего
Корабля
Не леса дремучие,
Не земля —
Глыба неприветная
Вмерзла в лед
И добро несметное
Стережет.

Антарктида!

                    Нацелив науки таран,
Мы тебя призываем к ответу:
Что ты спрятала —

                    золото,

                                    уголь,

  уран?

Всё равно ведь узнаем секреты!

Твою силу стальную

                    сгибая, как прут,

Мы проникнем в заветные недра.

Не «Сезам, отворись!»,
а неистовый труд
Нам откроет сокровища щедро.
Будет берег
огнями селений расшит
Аж до самого горизонта...
Знать, недаром по снегу фигурка бежит
С детским шариком радиозонда.
Повезут экскурсантов на юг поезда,
Вот он, полюс, — лежит, как на блюде.
И воскликнет земля восхищенная:
«Да,
Вот что значит — советские люди!»

14

«Сколько мы с мужем в эфире
Встреч назначали —
не счесть!

Северный Полюс-четыре...
Северный Полюс-шесть...
Всё-то он видел, мой любушка,
Всюду, отчаянный, был...
Вам потруднее, голубушка,
Ваш-то впервые уплыл».

Угас шепоток в тишине напряженной,
И вспыхнула надпись:

«Идет передача!»

И к ящичку черному тянутся жены
Сквозь волны счастливого смеха и плача:

«Боренька,
вот ты и снова со мной!»

«Как ты там, Мишенька, Миша?
Слушай меня, мой хороший, родной,
Я-то тебя не услышу!»

«Здравствуй, Володя!»

«Петя, привет!»

«Женечка,

помнишь тогда

Я тебе сдуру ответила «нет»?

Да, мой любимый, да!»

«Ты, Ваня, полярник, и Коля туда же!

Недаром тебе он приходится сыном:

Твердит всё о льдах да о вьюгах,

и даже

На школьном балу нарядился пингвином».

«Алло, Константин!

Д4—Е2!

Продолжим наш матч Антарктида—Москва!»

«Андрей!

Я от страха почти не дышу,

Когда самолеты вижу.

Как в «Двух капитанах», тебя я прошу:

«Милый!

Летай пониже!»

«Сейчас я слово передам

Дочурке нашей — Вáрюшке.

Она тебе по вечерам

Сама связала варезки.

Как быть?

Не скажешь: «папа, на!»

Помочь бессильна рация.

Но говорят, что к вам должна
Пойти „Кооперация”».

«Без тебя, ненаглядный мой, нет и семьи.
Жду...

Минуты считаю, Павлуша!
Я стихов не писала со школьной скамьи,
А вот тут не сдержалась...

Послушай...»

.....
...А за тысячи миль от студии,
За громадой оскаленных льдов,
У приемника замерли люди —
Экипаж легендарных судов.
И колдует радист плечистый,
И оттуда, где дышит Москва,
Женский голос —

горячий и чистый —

Прямо к сердцу доносит слова:

«За здоровье тех, кто в пути,
Кто мечтает дорогу найти,
Мы поднимем бокалы, друзья!

Если путь их и долог, и труден,
Если холодом ноги свело,
Пусть привет наш услышан будет,
Пусть согреет их наше тепло.
Если нет ни сил, ни привычки,
Всё равно — пусть дойдут и так:
Не сыреют в кармане спички,
Не выводится крепкий табак.

За здоровье тех, кто в пути,
Кто мечтает дорогу найти,
Мы поднимем бокалы, друзья!

Будет день: мы пойдем по дороге,
Нам навстречу рванется пурга,
Будет путать усталые ноги,
Зарывать беспощадно в снега.
И в покое торжественных комнат,
За столом,
        как и мы сейчас,
И о нас, наверное, вспомнят,
И поднимут бокалы за нас...

За здоровье тех, кто в пути,
Кто мечтает дорогу найти,
Кто идет к победе, друзья!»

15

Самолеты по небу угрюмому реяли,
Окна крупно бумагой крестила беда,
И земля
        под немецкими батареями
Почернела от пороха и от стыда.
Но война не как прежде —
  галдящими ордами ---
Нагло лезла сквозь хаос обугленных труб,
А шатаясь от взрывов,
  с побитою мордою,
Как слепая брела,
  опираясь на шуп.

...И вот я снова в городе знакомом...
Сон или явь?

        О как он постарел!

Дамоклов меч висит над каждым домом,
Колесным громом катится обстрел.

Туда, туда, где танковая лава,
Где не смолкает смерти хриплый вой,
Где не согнулась в битвах наша слава,
Скользя в крови, спешу по мостовой.
Фронт за углом, —

плевками в небо пламя,
Чугунный грохот не щадит ушей,
Земля дрожит и рвется под ногами,
Враги ползут, как змеи, из траншей.
Но сбит их натиск бешеным порывом,
И вот уже стоит в шинели мятой
Фон Паулюс перед фотообъективом,
Понурясь, как под дулом автомата.

...Мохнатый снег

скрывает всё из вида...
Мелькают дни, летит за годом год...
Опять я рядом с Хмарой...

Антарктида ---

Чудесная Страна Наоборот.

И на равнине,

за грядой скалистой,
Сомкнув ряды для нового броска,
Ученые,

матросы,

трактористы

Застыли неподвижно,

как войска.

Согреты мы одной мечтою братской.

Затихла бурь и снега крутоверть...

И горсть земли —

священной,

сталинградской —

Мы опускаем в ледяную твердь,

Нет,

наш народ не рухнул на колени!
Не сокрушила сильного беда!
А как же мы?

А наше поколение?..
Мы были слишком молоды тогда.
«Ну что вы всюду лезете, ребята?» ---
Бойцы твердили, словно сговорясь...
Нас гнали от дверей военкомата,
Нам не пришлось месить в траншеях грязь,
Мы не пускали поезда с откоса...
Но если б снова полчища врагов...
Сумел бы Хмара так же, как Матросов?..
Сумел бы я, как Ваня Земнухов?
Звенит кирка,
сбегают струйки пота,
Забыв нахальство, пятится мороз...

Быть может, наша жаркая работа
И есть ответ на заданный вопрос?

16

Солинки едких шуток,
Накал упорной схватки...
О суতোлка суток,
Летящих без оглядки!
О дикие просторы!
О грозные лавины!
Рычащие моторы,
Напруженные спины.
И самосвала кузов,
И возгласы:
«Копай!»

И грузы,
                                грузы,
  грузы
Из трюма на припай.
И снег,
                                и ветер крепкий,
И в проруби — тюлень,
И пингвиненок в кепке,
Надетой набекрень.
И дружный труд бок о бок,
И отдых сообща,
И пар,
                                встающий облаком
Над мискою борща.

17

«Голубчик...
                                потихе...
  ну ради науки!..
Ведь это прибор...
                                да и ценный к тому ж!»

...На цыпочках,
                                сжав умоляюще руки,
Ученые ходят вокруг волокуш.
«Товарищ профессор!..
  Не бойтесь хоть вы-то!
Доставим...
                                Докуривай, Ваня...
  Пора!»

...Бензином дыша,
                                бормоча деловито,
Усердно в работу впряглись трактора.

И ему навстречу тело бросив
(Так орел кидается в полет,
Так на пули грудью шел Матросов!),
Прыгнул Хмара на хрустящий лед.

Шепча себе:

«Не дрейфь, старик!» —

Он слышит льдины дрожь

И задыхающийся крик:

«Куда ты?

Пропадешь!»

Он видит белые куски

Разбитого пути...

Но лишь одно стучит в виски:

Спасти!

Спасти!

Спасти!

В кабину,

шубу обрывая,

Рычаг сдвигая грудью всей...

Дрожит машина, как живая, —

Страшится гибели своей.

Он уговаривал негромко

Ее, как друга,

как бойца...

Ломая гусеницей кромку,

Она боролась до конца.

В последний раз рванулась резко

И — вниз!

Что думал он,

когда

Над ним с тяжелым, жадным плеском

Сомкнулась хмурая вода,

И в час,
   когда могилу роя,
 Мы пробивали толщу льдов,
 Родился мальчик —
   сын героя —
 В Полтаве,
   в кипени садов.
 Горячий, розовый комочек —
 Твой продолжатель,
   твой сыночек...

.....

А годы тянутся грядой...
 Вот он выходит из-за строчек —
 Смущенный,
   смуглый,
   молодой.

Совсем как ты,
   слегка повыше...
 Он видит флаг,
   что всех родней,
 И вертолеты на крышах,
 И россыпь щедрую огней,
 И грани айсбергов блестящих,
 И окна ясные квартир,
 Не щурясь в океан глядящих, —
 Суровый, но обжитый мир.

Мы сына твоего не станем
 Гурьбою провожать на мыс,
 Мы тихо от него отстанем,
 Когда свернет тропинка вниз.
 Здесь он и сам отыщет — близко.
 Уже звенит, уже слышна
 Над строгим серым обелиском
 Нетронутая тишина.

С рожденья длилась разлука,
Теперь вы рядом наконец...
Он на гранит положит руку
И жарко выдохнет:
«Отец!»

А в ледяной стране обширной,
Вечерней скрытый синевою,
Блестит огнями город Мирный —
Твоя победа,
подвиг твой!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я лежу, прикованный к постели.
Разве жизнь увидишь из окна!
Ноги — тряпки,
руки ослабели,

Смята и изломана спина.
Но врачи болезнь в штыки встречали:
Не сожжешь, проклятая, до тла!
Был росток согрет весны лучами,
Мне на помощь партия пришла.
Где-то в мире доллара бесстыдном
(Что ж ты, гордость?)..

Иль истлела вся?)

Я б скрипел тележкой инвалидной,
Милостыню горькую прося.
А у нас,
чтоб в школу взять девчущку,
Поезд в поле замедляет ход,
Чтоб спасти больного,
в деревушку
Из столицы мчится самолет.

Но читатель

вдруг,

подвох увидя,

Всполошился:

«Как же так? Скандал!

Автор даже не был в Антарктиде

Да и Хмары сроду не видал!»

Что ж,

мне трудно на упреки эти

Возразить...

И в самом деле я

Видел Хмару только на портрете.

(А ведь жаль!

Мы были б с ним друзья!)

Не сидел я с ним у самолета,

Не ловил его горячих слов,

Не работал до седьмого пота

В лютой стуже,

в хаосе снегов.

Не считал с тоской до дома мили,

Жил в квартире, где тепло и газ.

И не Лена у меня, а Лиля...

(Это лучше в десять тысяч раз!)

Но поэма...

Кто ее обидел?

В ней правдива каждая строка.

Да, я плыл к далекой Антарктиде, —

В лед врубалась и моя кирка!

Вел в Сибири трактор целиною,

Россыпи алмазные искал,

И с учеными

порой ночью

На орбиту спутник запускал.

В мой блокнот идут живые нити,

Я собратьев чувствую плечом.

Я поэт —

участник всех событий!

Ну а ноги...

Ноги ни при чем.

Полон я неутолимой жажды:

Я — Икар,

Икар, а не Дедал!

О дневник мой,

помнишь, как однажды

Я себе такую клятву дал:

Я жить,

я тоже жить хочу,

Огнем любви согретый!

Я полной мерой заплачу

За право жизни этой.

И зашатается стена,

И рухнет,

и за нею

Я мир без края и без дна

Увижу, цепenea.

Мир,

а не комнатный мирок,

Мир песен и тревоги.

И я пойду,

пойду без ног

По жизненной дороге!

Кто жив из бойцов тех?
И спрашивать больно!
Дом взорван снарядом...

Но вышла оттуда
Последняя книжка Испании вольной —
Стихи раскаленные Пабло Неруды.
И пусть над Испанией ночь распростерла
Совиные крылья

и выползли змеи,
Врагов эта книжка схватила за горло
И бьет до сих пор,
и победа — за нею!

А годы мелькают...
Республика Чили.
Торжественный зал. Мишура позументов.
Выходят сенаторы, как их учили,
И лгут о делах своего президента.
Жизнь злая

при нем стала адом крошечным,
Страну он за доллары предал и продал,
А в этих речах —

он святой и безгрешный,
Ревнитель всех прав, благодетель народа.
Царьком,

в окружении армии целой,
Сидит, улыбаясь, Гонсалес Видела.
Льстецы,

от усилий вспотев,
повторяют

Всё то,
что сказал предыдущий оратор.
Вот рявкнули трубы.

Кончают?
Кончают.

Не молкнут могучие, грозные струны,
Кто может сковать его голос свободный?
Оратор, как прежде, стоит на трибуне,
Трибуне,

построенной в сердце народном.

Боец нестигаемый,

несокрушимый,

Он славит народов союз нерушимый,
Москву — всей земли золотую отраду,
Строителей нового Сталинграда.

Громит он фашистов,

овеянный славой,

И стены из лжи

рассыпаются прахом,

И все поджигатели бойни кровавой

Словам его гневным внимают со страхом.

СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ БЕТХОВЕНА

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Вена. Трактир. За столом трое горожан пьют пиво. Поодаль, задумавшись, сидит четвертый. Из соседней комнаты доносятся звуки фортепьяно.

Первый.

А этот всё играет?

Второй.

Всё играет.

Первый.

Ведь вот чудак! И как не надоест?
Он целый день бренчит одно и то же.
Хоть вышел бы да глотку промочил,
Чем барабанить попусту.

Второй.

Такой уж
Они народ. Я знаю музыкантов,
Перевидал их на своем веку.

Да и теперь... Я — поваром у князя
Лихновского. Он этих музыкантов
Как знатных, как гостей впускает в дом.
Они ему — первейшая утеха.
Войдут, согнутся, поцелуют ручку
И ну играть, а он с них глаз не сводит.
А после их накормит, обласкает
И денег даст.

А есть один — Бетховен,
Вот этот непохож на остальных:
Такой широкоплечий, коренастый...
Мне кажется, сам князь его боится.
Он всё чудит, а князь ему спускает,
Он всё грубит, а князь ему ни слова.
Вот, например, вчера: собрались гости,
Пришел и этот. Князь ему: «Сыграй
На фортепьяно». Этот поломался,
Но всё же сел. Играет он, играет,
А на диване гость — знатнейший князь —
С соседкой перемолвился: тихонько,
Чтоб не мешать. А этот глянул зверем
Да вдруг как хлопнет крышкой, да как
вскочит:
«Я для таких свиней играть не буду!»
И вышел вон.

Первый.

Смотри-ка ты какой!
А что же князь?

Второй.

Ну, князь перед гостями
Конечно извинился, а потом
Послал за этим: завтра приходи, мол.

Первый.

Да что ты! Всё-таки за ним послали?
Да что ж за человек он?

Третий.

Негодяй!

Оба.

А ты откуда знаешь?

Третий.

Я из Бонна.

Отец его — я выпивал с ним — был
Придворным музыкантом у курфюрста:
Хороший человек — простой, веселый,
Такой же бедный пьяница, как я.
Он со слезами жаловался часто:
Сынок его до нитки обобрал
И написал прошение курфюрсту,
Чтоб выгнали из города его.
Но милостив курфюрст был, и отца
Он не дал опозорить злomu сыну.

Первый.

Так вот они какие, музыканты, —
Отца и то не пожалел родного!

Второй.

Да он не музыкант, он композитор,
Он музыку выдумывает сам.

Первый.

А хороша ли музыка его?

Второй.

Какое там! Все господа смеются.
Я слышал как-то раз: шумит, грохочет,
Хоть уши зажимай да прочь беги.
Вот то-то, друг любезный!

(Музыка резко обрывается. На пороге появляется маленький взъерошенный человек в очках.)

Человек.

Замолчи!

Расквacaлся, как жаба на болоте.
Да как ты смеешь говорить об этом?
Кто ты? Пивная кружка — вот твой бог!
А наши дети, Вена, целый мир
Ему, как богу, поклоняться будут!

(Быстро выходит.)

Первый.

Что он с ума сошел?

Третий.

Чего он взъелся?

Первый.

Кто это?

Второй.

Говорят, какой-то Шуберт.
Он музыку придумывает тоже,
А инструмента собственного нет.
Трактирщик наш ему и предложил:
«Я получил в наследство инструмент,
Стоит без толку в задней комнатуске.
Ты приходи ко мне сюда играть,
А мне плати», — ну, он и согласился.

Первый.

И сколько их на свете развелось!
Вот людям делать нечего!

Второй.

Нет, этот
Не то, что тот. Он вальсы сочиняет
Да песенки — красивые такие,
Что так и тянет подпевать.

Первый.

Эх, милый,
От песни сыт не будешь. Что она?
Она тебя накормит? Не накормит.
Она тебя оденет? Не оденет.
Лихновских мало.

Второй.

Нет, не говори,
Бетховен-то богат: я знаю точно.

Ты посмотрел бы сам, как князь
Лихновский
С ним носится.

Третий (четвертому).

Послушай-ка, приятель,
А ты о чем задумался?

Четвертый.

Да как же?
Жена больна, детишки истощали,
На кружку пива нет, да и не будет,
В карманах ветерок...
Такое горе!
Хоть музыку пускайся сочинять.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Сельская местность. Бетховен и Фердинанд Рис.

Бетховен.

...И братьев
Я отнял у беспутного отца.
Ты знаешь сам: сестренка умерла,
На всё, что нам от матери осталось,
Разинул рот прожорливый кабак.
Мне было трудно. Ведь шестнадцать лет
Не бог весть сколько! Вот я и подумал,
Что, если половину содержания
Отцовского я мог бы получать,
Я прокормил бы братьев и себя.
Я рассудил: так будет справедливо,
И написал прошение курфюрсту,

Пустив поступок свой по ветру сплетен
И перетолков.

Милый Фердинанд,
Плохой цветок дает плохое семя.
Уж видно так. И не моя вина,
Что причиняют столько огорчений
Родные братья мне.

Но не об этом
Хотел я говорить с тобой. Ты знаешь:
Я отдал всё любимому искусству,
Всё без остатка. Музыка моя —
Не легкий щебет ритмов танцевальных,
Не модница в шелках, не пустосмешка,
Не мертвый храм, в котором падать ниц,
Молясь холодной каменной святыне.
Нет, музыка моя — боренье чувств,
Смятенье толп, неистовые взрывы
Отчаянья, и ночь, и день, и бездна,
И свет небес, и слёзы, слёзы, слёзы,
И крик восторга, и звучанье мыслей,
И гордости и правды торжество.
Я эту музыку бросаю в мир,
И вот ответ.

Здесь у меня газеты, —
Читаю:

«Так симфония длинна,
Что утомляет даже знатоков,
А для любителей невыносима».
А вот еще:

«Нагроможденье! Хаос!
Бессвязный шум! Лоскутное изделие!
Должно быть, автор не в своем уме».
А вот еще:

«Внимательно следя
За всем, что автор создал, отмечаем,

Что мы в произведениях его
Заметных улучшений не находим
И, к сожалению, должны сказать,
Что наше мнение осталось прежним».
Я музыку бросаю в мир, и вот
Его ответ — суровый, беспощадный.
И если бы не вы — мои друзья —
Что стало бы со мной?

Рис.

Ты слышишь, Людвиг,
Как трогательно в воздухе звучит
Мелодия пастушеской свирели?
Как много чувства вложено в нее!
Ты слышишь?

Бетховен.

Нет, не слышу.

Рис (удивленно).

Как не слышишь?
Ведь это близко, рядом. Вот опять...
А право же, играет он неплохо!
Простой пастух, а выучи такого —
И вышел бы изрядный музыкант.
Как трель чиста! Вот ближе, ближе...
слышишь?

Бетховен.

Нет, я не слышу, я совсем не слышу!

Рис (растерянно).

Не слышишь?

(Быстро.)

Да, так я хотел сказать,
Что в музыке...

да нет, я не о том...

Скажи мне, Людвиг, у тебя бывает,
Что мысли разбегутся, спутав фразу,
И растеряешься, и сам не знаешь:
Куда же всё-таки они девались?
Так и сейчас... о чем же я хотел?
А, вспомнил!.. На вчерашней репетиции
Меня взбесил проклятый валторнист.
Так перевернуть! До гнусности фальшиво!
Как ты стерпел? Понять я не могу,
Как мог ты...

Бетховен.

Я хочу один остаться.

Рис.

Ты болен, Людвиг, бледный,
возбужденный...
Я не могу тебя оставить так.

Бетховен (грубо).

Что я ребенок, что ли? Я в опеке
Пока что не нуждаюсь. Я хочу
Один остаться.

Р и с.

Обещай мне, Людвиг...
Уже темнеет... обеща́й, что скоро
Ты тоже будешь дома.

Бетховен.

Обещаю.

Уйди же.

(Рис медленно уходит.)

Валторнист не переврал!
Там, где аккорды робкие блуждают,
Как солнца луч врывается внезапно
Ликующей валторны резкий звук,
Взлет светлой темы гордо открывая.
Но если лучший друг понять не может,
Как тяжело!

(После паузы.)

А может быть, свирель
Еще играет? Я ее не слышу...
Но, может быть, она еще играет?
И ветер не улегся... почему же
Деревья не шумят? Ведь их верхушки
Качаются... и почему шагов
Своих не слышу я? И почему?..
Судьба моя, жестокая, слепая,
Как страшно мне смотреть в лицо твое!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Прошло двадцать лет. Маленькая гостиная князя Лихновского. Элегантный молодой человек, пожилая молодящаяся дама и князь Лихновский оживленно беседуют.

Молодой человек.

Скажите, князь, а будет ли Бетховен?

Дама.

Я не люблю Бетховена: грубиян!
Он с публикой раскланяться не хочет,
Всегда он недоволен ею.

Молодой человек.

Впрочем,
И публика не очень-то довольна.
Весь город говорит о том, как кто-то
С галерки крикнул, вызвав общий смех:
«Я крейцер дам, чтоб это прекратилось!»

Дама.

Какой он неотесанный, неловкий,
Какой дикарь! Вы знаете конечно
Графиню Разумовскую? Так вот,
Она мне рассказала, что Бетховен,
Играя у Антона Эстергази,
Порвал почти что половину струн,
А вечером за ужином разбил
Нечаянно фарфоровую вазу.

Лихновский.

А всё-таки он музыкальный гений,
И если раньше спорили об этом,
Теперь молчат.

Молодой человек.

Ну, это как сказать!
Весь город говорит о том, как Ромберг —
Весьма известный виолончелист
И музыкант — на днях публично ноты
Его квартета растоптал ногами.

Лихновский.

Э, милый мой, ведь это просто зависть!
А я на музыкальной академии
Другое видел... видел я, как Плэйель,
Маститый композитор Игнац Плэйель,
Услышав музыку его, заплакал,
Благодарил и руку целовал.

Дама.

Смешно! Я и сама люблю поплакать,
Но этих слез совсем не понимаю.
Ну что в нем, что? Учености-то много,
А тонкости-то настоящей нет.
И в самом знании своем он варвар:
Как оглушат, как рявкнут духовые!..
Ну разве это музыка, скажите?

Слуга (докладывает).

Скрипач и композитор Людвиг Шпор.

Дама (спеша навстречу).
Как хорошо, что вы пришли! Вы в споре
Должны нас рассудить... Вы сами гений.
Вы тоже сочиняете... И вы
Должны сказать нам: гений ли Бетховен?

Шп о р.

Бетховен? Что же! Он, конечно, гений,
И он идет особою дорогой.
Но что это за странная дорога,
И как она виляет да петляет!
Как будто бы забрался в темный лес,
Идешь и спотыкаешься: то пень,
То сук тебе в лицо, а то и в яму
Оступишься... и выйдешь на опушку
И с облегчением вздохнешь тогда лишь,
Когда с концерта попадешь домой.

Молодой человек.

Вы часто видите его?

Шп о р.

Бывает,
Приходится. Не очень-то приятно,
Коли признаться честно. Он и прежде
Не отличался, говорят, хорошим
Характером, теперь же и подавно.
Он глохнет не по дням, а по часам.
Всё время к уху поднимает руку,
Как бы ловя потерянный свой слух.
А самое тяжелое, пожалуй,

И грех сказать, но всё-таки смешное,
Когда он дирижирует. При низких
И тихих звуках до земли согнется,
А при высоких тянется и даже
Подпрыгивает иногда. А с такта
Сбивается он каждую минуту.
Концерт! Вразброд валяют музыканты,
А он и ухом не ведет.

Лихновский.

Над этим
Грешно смеяться.

Слуга (докладывает).

Людвиг ван Бетховен
И Шиндлер — секретарь его.

*(Входят Бетховен и Антон Шиндлер. Бетховен
сильно постарел. Обращаясь к нему, все гово-
рят громко, почти кричат.)*

Лихновский.

Давненько,
Давненько мы не виделись. Вы были
Больны?

Бетховен.

Нет, мой сапог был болен.
А так как у меня одна лишь пара,
Я вынужден был дома посидеть.

Молодой человек.

Не знаю, помните ли вы... когда-то
Я вам играл вещички Кожелуха.

Он композитор легкий и понятный,
Любимец общий... О моей игре
Вы не сказали мне тогда... а мне бы
Приятно было б выслушать от вас
Хоть пару слов.

Бетховен.

Вам много, очень много
Учиться надо...

(после паузы)

прежде чем поймете,
Что не умеете вы ничего.

Молодой человек (в сторону).

Что делать мне? Ведь о таком ответе
Весь город будет говорить!

Дама.

Прелестно...

Вот, вот ответ, достойный виртуоза!
Я расскажу об этом всем кузинам,
А те — своим мужьям. Мне так давно
Хотелось вас увидеть и услышать.
Вас сравнивают с Гуммелем...¹ Ведь это
Такая честь!.. Ах, если бы вы знали,
Как нежно, как возвышенно, как пылко,
Как горячо я музыку люблю!

---

¹ Модный пианист, особенно нелюбимый Бетховеном.

Когда мне грустно — грустную, когда
Мне весело — веселую...

И я

Прошу вас, умоляю вас... сыграйте,
Сыграйте что-нибудь повеселее...

Бетховен.

Нет, что вы, что вы! Я и сам хотел,
Но вы так разбираетесь в искусстве!..
Я ни за что играть вам не решусь.
А вы об этом попросите Шпора:
Он музыкант покладистый,
он вам
К любому настроению сыграет.

Дама.

Вы думаете, я не замечаю?
Я вижу всё: вы надо мной смеетесь.

(*Ко всем.*)

Я говорила вам, что он дикарь?

(*К Бетховену.*)

Поймите же, что если просит дама...

Молодой человек (*робко*).

Зачем просить? Пойдемте, я сыграю.

Дама (не обращая на него внимания).

Вы думаете платья да кареты
И только-то? И всё наше богатство?
Вы ошибаетесь: у нас мужья!
Когда мы сердимся, то мы опасны:
Зависите и вы и ваша слава
От нашего суда.

Бетховен.

Я не отвечу,
Чтоб не ответить грубостью.

Лихновский.

Довольно!
Бетховен будет нам играть. Вы все
Идите в комнату, где фортепьяно.
Оставьте нас двоих... мы тоже скоро
Придем туда.

(Все, кроме Бетховена и Лихновского, выходят.)

Бетховен.

Что это значит, князь?
Насмешка? Шутка?

Лихновский.

Людвиг ван Бетховен,
Я не хочу посмешищем гостей
По вашей милости быть каждый вечер!

Я не хочу! Я вас к себе приблизил,
Я подарил вам дружбу. Но затем ли,
Чтоб вы, забыв приличия, забыли
Кто вы, кто я? Чтоб должен был об этом
Напоминать я, как напоминаю
Теперь?

Бетховен.

Вы положенью своему
Обязаны случайности рожденья.
А я — себе обязан! Я — Бетховен!
Князей десятки, сотни, а Бетховен
Один. Не забывайте это, князь!

Лихновский.

Мне всё равно! Хотя б ценою ссоры,
Но я заставлю вас играть.

*(Обнимает Бетховена за плечи и ведет к двери.
Когда они доходят до порога, Бетховен вдруг
резко выталкивает его из гостиной и запирает-
ся на задвижку.)*

Лихновский (стуча).

Откройте!

Откройте же, как вам не стыдно, Людвиг!
Я позову сюда гостей и слуг,
Я прикажу дверь выломать.

Бетховен (свирепя).

Попробуй!

Пускай они войдут, пускай узнают,
Что крепче: кресло или голова.

(Стук стихает. Пауза.)

Ушел, должно быть... Как я ненавижу
Всю эту княжескую сволочь! Жиром
Заплыли их мозги. Самодовольство —
Вот лужа, где купаются они.
Купаются и ждут, что я — Бетховен —
Им напишу, как написал Марчелло:¹
«Целую всепокорнейше следы
Укусов блох на драгоценной лапе
Собаки вашей».

Нет, я не таков!
Я горд, что я могу, всем, что я есть,
Их щелкать по носу.

(Снова свирепея.)

Пусть слышат все:
(Подбегает к двери, кричит.)

Лихновский олух!

*(Медленно отходит к столу, садится,
закрывает лицо руками.)*

Как я одинок!
О боже, как я одинок, как жалок!
Бессонный шум стоит в моих ушах,
В нем тонет всё, и кажется порою:
Не я оглох, а мир весь онемел.
Часы качают маятник беззвучно,
Беззвучный дождь спускается на землю,
В саду беззвучно пенится ручей, —
В душе живут воспоминанья звуков.
Я с детства был общительным. Мне люди
Всего дороже. Но от них я прячусь,
Бегу от них, затравленный стыдом.

---

¹ Итальянский композитор.

Когда они беседуют спокойно,
Не слышу я. Когда они кричат,
Меня берет за горло унижение,
И душит, душит...

Музыка моя,
Приди на помощь мне! Я столько раз
Рыдал, упав лицом на фортепьяно.
В слезах рождались звуки. Мир опять
Звучал и пел. Ко мне сходились люди.
Я видел их протянутые руки
И лица в светлых радостных слезах.
Я радость приносил им.

Вот опять,
Опять знакомый холодок восторга
Сжимает сердце мне. Вся жизнь моя
Проходит в звуках... Я нашел, нашел!..
Я слышу голос: «Не напоминайте
О горе больше. Пусть сияет радость!»
Могучий Шиллер, подскажи слова:
«О радость! Радость!
Мы, полные огня, вступаем
В святилище твое. Подобно солнцам,
Летящим в ослепительном просторе,
Друзья и братья следуют за нами.
О радость, ты сроднила миллионы,
И люди станут братьями повсюду,
Где веет нежное твое крыло».

(Стук в дверь. Пауза.)

Голос Шиндлера.

Открой мне, Людвиг, это я — Антон.

Бетховен.

А ты один?

Шиндлер.

Один.

Бетховен (*отпирая*).

Тогда войди.

Шиндлер (*входя*).

Насилу я сбежал от них... Лихновский
Пошел прогуливать гостей. Он клялся...

(*Пугаясь.*)

Да что с тобой? Да на тебе лица...
Да успокойся же...

Бетховен (*качая головой*).

Нет, Шиндлер, нет.

Я не об этом... ты не понимаешь.

Поздравь же, обними меня:

сегодня

Я победил природе вопреки.

И что мне глухота? И что мне старость?

И что мне жизни мелкие обиды?

Я напишу — теперь я твердо знаю —

Девятую симфонию мою!

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Во все глаза смотри,
И каждый день вчерашний
Не забывай: бери
На кончик карандашный.

Хруст ледяных оков,
Смолистый запах бревен,
И говор молотков,
Что весел и неровен,

И свежесть новизны,
И шум садов зеленый,
И шествие весны,
И поезд у перрона,

И теплый свет зари,
И города, и пашни —
Не забывай: бери
На кончик карандашный!

ВЕСНА

Меня с весной поздравил воробей:
Он соскочил ко мне на подоконник
Откуда-то и клювом застучал.

Я распахнул окно... Навстречу мне
Рванулся ветер, свежий и холодный.
Он смял мое дыханье на минуту
Своим дыханьем, он вошел широкий
И радостный, всю комнату наполнил,
Зашевелил газету на столе.

Весна! Во всем весна! Сверкают лужи!
И дворники метут с остервененьем
Крутящуюся воду; над домами
Огромное, сверкающее небо;
Стоят на подоконниках хозяйки
И стекла протирают, чтоб они
Весне врываться в окна не мешали!

ЖАЛОБА ДВОРНИКОВ

На улицах просторно,
И неба синь ясна...
Идет на горе дворникам
Веселая весна.

«Бывали дни беспечные,
А тут — забудь покой:
Ходи с утра до вечера,
Размахивай метлой.

Идет весна безбрежная,
Не сосчитать обид:
Разрыла кучи снежные,
Каплями стучит.

И все прохожие галдят,
Тебя не ставя в грош:
«Чего, мол, дворники глядят,
Не выйдешь без калош!..»

Ну как тут может нравиться
Весенний день сквозной?
Ведь дворникам не справиться,
Не совладать с весной».

С высоких крыш бегут ручьи,
По мостовой журчат...
И радуются воробьи,
И дворники грустят.

ЛЕДОХОД

Мостов нависшие махины,
Быков массивные столбы...
На них пойдут в атаку льдины,
С разгону расшибая лбы.

И под гудящими мостами
Они пройдут, свой гнев излив,
Шурша разбитыми боками,
Толкаясь, выбегут в залив.

Растопит их седое море,
Они исчезнут без следа...

. . . . .
Сверкает в солнечном просторе
Освобожденная вода.

ТОКСОВО

Березы с шорохами робкими,
Цветов огонь и бирюза,
Холмы с ныряющими тропками,
Озер веселые глаза,
Синиц пирушки компанейские,
Направо — сад, налево — гай...
Поверь: во времена библейские
Вот здесь и помещался рай.
Природа вся блестит как новая,
И ветви дружески сплелись.
Аллею проскочив сосновую,
Во двор сворачивает ЗИС.
А с неба солнце ухмыляется,
И в разлетевшемся платке
Лихая бабушка качается,
Держась за внука, в гамаке.

СОЛНЦУ

Бросай горстями золото!
Пали огнем лучей!
Кружи в воде расколотой
Слепящий блеск мечей...

О вейся в небе знаменем
Под птичьи голоса,
Захлестывая пламенем
Поляны и леса!

Чтоб билось сердце жаркое,
Чтоб слезы на глазах,
О светлое, о яркое,
Гори в моих стихах!

ПЛЮС ШЕСТЬ

Господи, холод какой!
Зябнут деревья и травы.
Ветер совсем как шальной:
Хлещет — не сыщешь управы.

Весело прыгает град...
Может, мы снова в апреле?
И недовольно шумят
Старые темные ели.

К речке? Гулять? Ни за что!
Всё, что попало, надето.
Руки в карманах пальто...
Вот еще... тоже мне лето!

ДОЖДЬ

Третьи сутки, как дождь зарядил
И не высунуть носа на улицу.
Всюду лужи — хоть рыбу уди,
А деревья, как мокрые курицы.

Но над крышей полоска светла,
Скоро с тучами небо расстанется,
И стряхнувшая брызги ветла
Всеми ветками к солнышку тянется.

ОБОЗ

«Пахнет сеном над лугами,
Песней душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля».

Не труди напрасно ноги,
На любой взбирайся воз:
Растянувшись по дороге,
В путь готовится обоз.

На сухом душистом сене
Стайки хлопцев и девчат.
И, дрожа от нетерпенья,
Кони фыркают, храпят.

Ну и кони! Ай да кони!
Словно братья, на подбор.
Видно, марки не уронят,
Как рванут во весь опор.

Но-о! И вихрем их сорвало.
Показав отличный класс,
Сразу дали для начала
Километров сорок в час.

Друг за другом с громким ржаньем
В золотистой пыльной мгле...
Удивляйся, горожанин, —
Вот как ездят на селе!

Состязанье, скачка, гонки...
Как стрела летит обоз,
Мчатся лошади-трехтонки,
Бьют копытами колес.

ВЕЧЕР

Окно обрызгала луна,
Хозяин возвратился с поля:
«Пойдем-ка на балет, жена...
Посмотрим телевизор, что ли...»

Экран в торжественной тиши
Блеснул огнем зеленоватым;
На стол взобрались малыши, —
Сестренка держится за брата.

Напев подняли на смычках
За много километров где-то,
А на экране, в двух шагах,
Плывет красавица Одетта.

На щеки бросив тень ресниц,
Восторг внушая ребятишкам,
Четверка юных учениц
Танцует лебедят вприпрыжку.

И льются скрипок голоса,
То сердце гладят, то тревожат,
И всё семейство три часа
Сидит в своей домашней ложе.

Но вот, как плеск лебязьих крыл,
Аплодисментов плеск веселый...
Отец, вздохнув, экран закрыл:
«Включай, хозяйка, радиолу!»

Выходит, ребяташек взяв:
«А вечер-то какой отменный!»
И смотрят, головы задрав,
Все с уваженьем на антенну.

И пробирает до души
Негромкий голос глуховатый.
И подпевают малыши:
Мол, помирать нам рановато.

БАБУШКА

Удивленно глаза раскрыты:
Не у прошлого ль мы в гостях? —
Водокачка, вокзал разбитый,
И штабной вагон на путях.
В гимнастерке спина заслонила
За стеклом очертанья голов.
Кто там — Фрунзе, Щорс, Ворошилов —
Хмурит брови над картой боев?
У забора, томясь от зноя,
В нетерпенье — рвануться б вперед! —
Кони землю копытами роют,
Черным дулом глядит пулемет,

Не с такой ли строчила тачанки
По врагам пулеметчица Анка?
Не такой ли упряжкой правил,
В бой бросаюсь, Корчагин Павел?
Видишь, девушка шашкой машет,
Мчится, к шее коня наклонясь?
Это молодость бабушки нашей,
Той, что в теплом платке домашнем
Суется на кухне сейчас.

Той, что ходит с авоськой на рынок,
Озабочена и строга,
Чтобы выбрать послаще малину:
Как же внукам без витаминов?
Как же дочке без пирога?
Нам теперь и представить странно,
Как летела в дыму и в огне
Наша бабушка — в куртке, с наганом,
На донском быстроногом коне.
Как скакала навстречу пожарам,
Как врагов прорывала кольцо...
Но глядит с фотографии старой
Молодое, родное лицо.

Потому-то, коль бабка накажет,
Внук, размазав слезинки у глаз,
Хоть и дуется, всё-таки скажет:
«Да, она боевая у нас!»
Так он скажет — смущенно и гордо,
И глядишь — провинился опять...
«Как ты смел нацепить мой орден?
Ах бесстыдник! Сейчас же отдать!»

МОЯ УЛИЦА

Не разряженная, не светская,
Стены в пятнах, булыжник сер...
Чем гордишься, Седьмая Советская?
Где тебе до Восьмой, например?
Вас сравнить никто не отважится...
Там машины потоком мчат,
На тебе ж грузовик покажется —
И событие для ребят.
Далеко стороной экскурсии
Объезжают кварталы твои,
Зажигаешь ты вечером тусклые,
Невеселые фонари.
Как же смеешь ты льнуть, как равная,
К гордым улицам, площадям?

Ты молчи, моя улица славная, —
За тебя я отвечу сам.

Да, здесь нету простора раздольного:
Переулок — ни дать ни взять...
Но зато отсюда до Смольного —
Каждый знает — рукой подать.

И дорога к царской обители
Твой бульжник пересекла,
И жильцы твои — помнишь? — видели,
Как на штурм Революция шла.
Ты, как улицы — сёстры по городу, —
Шла на фронт с винтовкой в руке,
Как они — непреклонная, гордая —
На голодном сидела пайке.
Выполняла любые задания,
Не сгибалась под тяжестью их,
И снаряды грудью израненной
Ты встречала не хуже других.
Ну, конечно, Литейный краше,
Невский лучше — что говорить!
Но частицу города нашего
Разве можно, друзья, не любить?
Не разряженная, не светская,
Но посмотришь — и вспыхнет взгляд:
«Ленинград... Седьмая Советская...»
Понимаете?.. Ленинград!

НА ПОЛИГОНЕ

Закрой глаза...
Ты снова в сорок первом.
Глухой удар, протяжный свист в ночи,
И обнаженно вздрагивают нервы:
Где разорвется?.. Может быть?.. Молчи!

Открой глаза... Ведь это всё «как будто»...
Пасется мирно солнце по траве,
Росу с деревьев стряхивает утро,
Ни облачка в прозрачной синеве.
Но, прошлое напоминая живо,
Вдруг раздаётся рядышком опять
Глухой удар, и где-то столб разрыва,
Который без бинокля не видать.
На всё мы с дочкой смотрим, как на чудо.
Стволы орудий целят в небосклон.
Какой безумец вынырнет оттуда?
Какой дурак полезет на рожон?
Кто снова понадеется на бога?
И всё же (знать, не все перевелись)
Звучит сигнал — воздушная тревога! —
И облачками закипает высь.

Я помню, в сорок первом ночью темной
Вот так же застучало в первый раз,
Как будто кто-то палкою огромной
Вдруг начал выколачивать матрац.
А облачка встают стеною плотной...
Стучат зенитки возбужденно: «Врешь!
Хоть с атомной летишь, хоть с водородной,
Подавишься, голубчик, не пройдешь!»

Но разом оборвалось грохотанье,
Вновь синим блеском расцветает ширь.
«Порядочек. Прямое попаданье», —
Докладывает дочке командир.
И дочка смотрит, заслонясь ладошкой,
Как, удаляясь, в синеве плывет,
Расстрелянный своими понарошку,
Такой родной, советский самолет.

С УТРА ПОРАНЫШЕ

Этот грохот — с самого утра,
Он бесстыдно весел и неистов.
И ругают в голос три двора
Сумасшедшего мотоциклиста.
Вот, пригнувшись, он летит с холма,
Пузырем вздувается рубаха,
А кругом такая кутерьма —
Всё живое мечется от страха.
В речку прыгнул выводок утят,
Пятятся коровы, глядя хмуро,
И, в кусты шарахнувшись, галдят
Гуси возмущенные и куры.
А мальчишки (кто удержит их —
Ни умыться, ни чайку напиться),
В рубашонках выскочив одних,
Льнут к забору — долго ль простудиться!
Он, как угорелый, очертя
Голову, летит — округу будит...
И, на все лады его чествуя,
Отовсюду высунулись люди.
«Пятый день гоняет, обормот!
Полюбуйтесь только — как он правит!

Как себе он шею не свернет!
Как он кошек всех не передавит!
Эк несется! И откуда прыть?
Для детишек, для старух угроза...
В сельсовет бы надо заявить
Или председателю колхоза...
Он еще наделает нам бед!
Э глазду зы́хав! Выпил! Помешался!..»

Вот бы мне такой мотоциклет —
Я бы тоже, словно ветер, мчался!

ДУБ

Ревела буря во всю мочь,
«Во мраке молния блистала...»
О, как тянулась эта ночь!
О, как мучительно светало!

Кувалдой бил по небу гром,
И возбужденно, как живые,
Стучась в окно, гремя ведром,
Шумели струи дождевые.

И вдруг — у самого окна
Как вспышка магния при съемке,
И чей-то стон, протяжный, громкий,
И на мгновенье — тишина.

Под утро кончилась гроза,
И после сумрака и гула
Нам небо синее в глаза
Еще приветливей взглянуло.

И только дуб, что, видя нас,
Шептал почти по-человечьи,
Примяв траву, лежал сейчас,
Как великан, сраженный в сече.

ПЛЮС ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ

Жара такая, что, рубашку сняв,
Я изнываю, бросившись на ложе
Колючих, желтых, пересохших трав, —
Им от жары, должно быть, дурно тоже.

Писать? Но вяло падает рука...
В недвижимом небе круг слепяще-белый...
Пчела, зарывшись в чашечку цветка,
И та от солнца, кажется, сомлела.

Будь стойком, терпенья наберись:
День только начат, а спасет лишь вечер.
И, жалуясь на каторжную жизнь,
По-стариковски проскрипел кузнечик.

Но что это? Дыханье ветерка...
Пчела выходит, пятясь, из цветка,
Ложится тень на пыльную дорогу...
Откуда вы? Спасибо, облака!
Вот умницы! Скорее на подмогу!

ВЕТЕР

Распрямившись во весь рост,
Крылья распахнул;
Волоча свой длинный хвост,
Прямо в сад махнул;
Все деревья растрепал,
Побывал везде,
На дороге пылью стал,
Рябью — на воде;
Словно конь, заржал — пусти! —
Полетел свистя,
Все машины на пути
Обскакал шутя;
В поле версты стал считать,
Потерял им счет,
И рванулся — перегнуть
В небе самолет.
Но, прерывисто дыша,
Ослабел, отстал
И, завистливо шурша,
Черепашкой стал.

Опозорен, побежден,
И порыв угас.
«Даже звук обгонит он,
Перед ним я — пас!»

СЛОН

Может, из Африки прямо,
Может, из Индии он —
Серый, в морщинах и шрамах,
Хобот закинувший слон.

В маленьких глазах — хитринка,
Ухо торчит лопухом;
С криками «Ну и скотинка!»
Дети толются кругом.

Вдруг повернется, зафыркав?..
Лучше на шаг отойду...
Слон не в зверинце, не в цирке —
Пропусту в нашем саду.

Что за помощник он людям,
Как его ярость страшна, —
Всё нам рассказывать будет
Скромный хозяин слона.

Видно, он парень не робкий,
Чудо-силач, исполин, —
Прячет слона он в коробку
С надписью: «Пластелин».

ИНОСТРАНЕЦ

Фу ты, ну ты, иностранец
Появился на дворе,
Очень важный итальянец —
Весь в узорах, в серебре.

На футляре две жар-птицы
Вылетают из гнезда...
Как к такому подступиться?
Вот трехрядка — это да!

Но толпу моряк высокий
Раздвигает, кашлянув,
На плечо ремень широкий
Надевает, не моргнув,

Вот задумался немножко,
Вот меха разводит он,
И, как русская гармошка,
Зазвучал аккордеон.

Для начала, для разбега
Затянули голоса:
«Пропадай, моя телега —
Все четыре колеса».

А потом, уверясь вроде:
Довезет, не пропадет,
«Во саду ли, в огороде»
Стал подхватывать народ.

И уже светло и звонко
Льется музыки струя:
«Это русская сторонка,
Это родина моя!»

Гармонист у нас таковский,
Первый класс,
Любимец масс,
Тот, которого Твардовский
Воспевал сто двадцать раз.

Позабыты завитушки,
Серебро и весь фасон:
Сыплет бойкие частушки,
Разойдись, аккордеон.

Он припевки, песни, танцы
Шпарит битых два часа...
Впрямь, видать, у итальянцев
Слаще меда голоса.

И моряк сказал в награду,
Не скупясь на комплимент:
«Ты, браток, гармонь что надо!
Подходящий инструмент!»

ЦЫГАНКА

Дверцу тайком приоткрыв в облаках,
Смотрит луна молодая.

«Любит — не любит», — весь двор
в лепестках,

«Любит — не любит», — гадаю.

Глаз до рассвета сомкнуть я не мог,
Сердце свое, чтоб обдул ветерок,
В поле несу спозаранку.

Вижу: набросив цветастый платок,
Мимо проходит цыганка.

Искорки смеха мелькают в глазах,
Блещут огнем золотистым

Бабочки-серьги на смуглых ушах,
Змейкой на шее монисто.

Черная прядь растрепалась на лбу,
Легче полета походка...

Вот и узнаю сейчас я судьбу:

«Эй, погадай мне, красотка!»

Руку берет, усмехнувшись едва,

Смотрит на линии важно

И говорит мне такие слова,

Чуть нараспев и протяжно:

**«Я — трактористка колхоза «Маяк»,
В поле спешу на рассвете.
Разве ты веришь гадалкам? Чудак!
Есть еще дурни на свете!»**

СПОРЩИЦЫ

Недвижно, будто вырезные,
Стоят деревья в синей раме,
Лишь две березки пожилые
Жестикулируют руками.

То быстро листьями лопочут,
То головами покачают,
Притихнут — нету больше мочи —
И снова, снова начинают.

Уйдешь к двенадцати с опушки,
Придешь обратно спозаранку:
Не переспорили друг дружку,
Не умолкает перебранка.

Как дружелюбно солнце светит!
Как ласково щебечут птицы!
И только двум березкам этим
Вовеки не договориться.

СЧАСТЬЕ

Помню: приходил старик убогий
За пятак порадовать невежд,
Со своей шарманкой хромоногой,
С полной сумкой счастья и надежд.

Лет с тех пор прошло, пожалуй, тридцать
(Позабыт навеки этот срам).
Нынче только радио да птицы
Распевают песни по дворам.

Шелестя, рассказывают детям
Только книг потрепанных листки,
Как гнусаво пела на рассвете
Маленькая фабрика тоски.

И сегодня — аж глаза протерты! —
Как не ахнуть: «Существует всё ж!»,
Как не помянуть невольню черта,
Услыхав опять ее скулеж.

Женщина какой-то пегой масти
Крутит ручку фабрики тоски,
Попугай вытягивает счастье,
Важно принимает медяки.

А в домах все окна нараспашку...
Девочка одиннадцати лет
Даст монетку, развернет бумажку,
Поглядит и прыснет: «Ну и бред!»

Молодежь хохочет, веселится,
Градом сыплет серебро и медь,
А у старших тень легла на лица:
Стыдно на шарманщицу смотреть.

И тогда сказал, нахмурясь, кто-то:
«Перестань. Посовестись ребят.
Лучше шла бы, тетушка, работать...
Отнесла бы птичку в зоосад...»

И добавил:

«При советской власти
Хуже нет, чем бегать от труда.
Так ты, тетка, собственного счастья
Вытянуть не сможешь никогда».

* * *

Заря-заряница,
Красная девица,
Что сидишь за тучей,
Словно ты в темнице?
Почему не хочешь
Показать под вечер
Огненные очи,
Розовые плечи,
Опоясать чашу
Алым поясочком
И в воде журчащей
Помахать платочком?
Чтоб земля родная
Так и встрепенулась,
Чтоб, тебя встречая,
Сердце улыбнулось.
Заря-заряница,
Красная девица,
Выйди из-за тучи:
Так-то будет лучше.

УРОК

Что это за кваканье вокруг?
Что за шум летит с лесной опушки?
Будто бы (не меньше сотни штук!)
На деревья прыгнули лягушки.
Но они ли подняли галдеж?
На сосне лягушка не гнездится...
Это галки учат молодежь —
Очень темпераментные птицы.
Я брожу тут с самого утра,
Я оглох от кваканья и писка...
Грустно мне... Уехала вчера
Ты на юг с путевкою туристской.
Я ревную, головой поник,
Но, не знаю сам — от горя, что ли? —
Мне понятен галочий язык,
Словно я такой же ученик
В этой птичьей, необычной школе.
«Почему дежурного не вижу?
Подтянуть ряды!.. Итак, начнем...
Ну-ка, сядь, отличница, поближе,
Помаши, пожалуйста, крылом.

Ты на воздух, на себя надейся,
Позабудь про ветки и сучки.
На траву слети... Оттуда — взвейся...
Что? Боишься кошки? Пустяки!
Кошка глубоко нам безразлична.
Пусть мышей поищет на обед.
Говоришь, подкралась? И отлично!
Мы взлетим — у кошки крыльев нет.
Как чудесно, дети, быть крылатым!
Облака — пушистые, как вата,
Свежий ветер дует — благодать!
Это всё поэзия, ребята...
Впрочем, вам пока что не понять».
Так в кругу горластой детворы
Рассуждала важная мамаша.
«Мама-галка, будьте так добры
Передать и мне искусство ваше».
На меня скосила черный глаз
И сквозь клюв надменно процедила:
«Нечему учить мне, люди, вас...
Оглянись на плечи: вы — бескрылы.
То ли дело галки! Захотим,
Поднажмем — и за сто миль, у цели.
Отдохнем — и дальше полетим...
Ну, за мной!»

И сразу все одним
Веером раскрывшимся взлетели.

Да, от птиц подмога не придет:
Взвились в небо — с них и взятки

гладки...

Ты спустись-ка лучше, самолет, —
Я помчусь на юг без пересадки.

МАЙСКИЙ ЖУК

Громкий, полный достоинства,
Майский жук пролетал,
Комариное воинство
Надо мной распугал.
«Расступайтесь, невзрачные!
Разлетайтесь — сожру!»
Дал щелчок ему смачный я:
Он упал озадаченный,
Спрятав крылья прозрачные
Под свою кожуру.

На земле распростертый,
Вверх брюшком он застыл,
Притворялся он мертвым
Изо всех своих сил.
«Ох, как трудно поджатыми
Лапки держать,
Ох, не стал бы, проклятый,
Всерьез убивать!..»

ВОРОНА

Ворона села на сучок,
Горластая задира,
Та самая, которой бог
Послал кусочек сыра.

Черней чем сажа и чем ночь,
Взъерошенная, злая,
Сидит, прохожих во всю мочь
Ругательски ругая.

О ней, растяпе, средь лесов
Судачат все, конечно;
И осрамил ее Крылов
Перед людьми навечно.

Она — посмешище для них
И притча во языцех,
И учит каждый ученик
«Ворону и лисицу».

Она с бесчисленных страниц
Глядит, на ели сидя,
Она теперь на всех лисиц,
На всех людей в обиде.

Беда! Какое тут житье,
Когда вот так ославят!
Ведь даже пугалом ее
На огородах ставят.

И вдруг — опять перо берет,
Чтоб вдоволь насмеяться,
Какой-то новый стихоплет...
Ну как тут не ругаться?

ПОЕДИНОК

Помнишь, молния дуб могучий
Расколола, блеснув из тучи?
Век стоял он, ветрам непокорный,
А свалился — обугленный, черный.
На широкую рухнул спину
И бессильные руки раскинул.

Жаль! Такого красавца не стало!
Как сейчас, тогда грохотало.
Как тогда (обрушиться где бы?),
Гром хозяином кáтит по небу,
Из тяжелой бьет батареи...

Надо выключить плитку скорее,
Кошку тоже прогнать бы лучше, —
Четверть неба закрыла туча,
Синей глыбой зловещего дыма
Наползая неотвратимо.
Вот добралась до серединки,
Но... не выпало ни дождемки.

Ветер грому навстречу взвился.
(Ох, как он за тот дуб сердился!)
Он уперся в тучу руками,
Он уперся в землю ногами,
Весь напрягся, чтоб силы утроить,
Чтоб деревья в саду успокоить,
Чтобы дождь не плясал над домом...

Слышишь? Что тут сделалось с громом!
Разбегается снова и снова,
Даже страшно — честное слово!
Будто кто-то трясет над нами
Необъятный мешок с камнями.
Вся земля так и ходит от гула...
Но, взгляните-ка, солнце блеснуло.
Побеждает ветер крылатый,
Утихают грома раскаты,
Тучу в синюю даль угнало...

Много шуму, да толку мало!

ТВОЙ ДОМ

Ты принесешь цветов охапку,
Коробку с гусеницей спящей,
И желудей зеленых шапку,
И листьев с запахом пьянящим.
Но я, прикованный к постели,
Скажу тебе: «Да неужели
Весь это мир?
О, как он беден!»
Нет, собери поля, отроги,
Моря, деревья, реки, скалы,
Не растеряй их по дороге
И брось ко мне на одеяло.
Я буду гладить их. Ликуя,
Их имена переиначу...
Но об одном тебя прошу я:
Не забудь свой дом в придачу.
Я потянусь к заветной двери,
Глаза закрою и поверю,
Что нет ни окон, ни кровати:
Что только дверь...

И там с тоскою
Ты ждешь меня за этой дверью,
Что дом не принесен тобою,
А сам к тебе пришел теперь я.

ДО НОВОЙ ВСТРЕЧИ

О зелень трав, о солнца луч,
Подольше погостить вас просим!
Уже, неся охапку туч,
Дождливая шагает осень.

Уже грустит о жарких днях
Озябший лес полураздетый,
И птичий свист умолк в ветвях...
Ну что ж! Прощай до лета, лето!

Прощай! Негаснущим огнем
Горит задорный куст рябины.
Сидит сентябрь за рулем
Груженной доверху машины.

Понять нетрудно хитреца:
Мы лето с грустью провожаем
И, чтоб к себе склонить сердца,
Он нас поздравил с урожаем.

Он вылез, он откинул борт,
Чтоб любоваться все могли бы:
«Гляди, капуста — первый сорт,
Картошка и морковь — на выбор!»

Страна на выставке своей
Раскинет (будет чем гордиться!)
И натюрморты овощей,
И россыпь щедрую пшеницы.

А белых хлопьев кутерьма
Лишь оттенит богатство это...
Привет вам, осень и зима!
Прощай! Прощай до лета, лето!

* * *

Осень в золоте вся. Все в нее влюблены.
И поэтому дьявольски хочешь весны:
Если осень в золото убрана,
То какая же будет весна!..

* * *

Что мне делать? — скажи, хорошая,
Я не в силах решить это сам.
За тобою, незванный, непрошенный,
Я в мечтах брожу по пятам.
Неужели опять не придешь?
Жду тебя я четвертые сутки...
Вечер... Стукнула дверь...

«Как живешь?»

Я к тебе совсем на минутку». —
Я тебя на диван усаживаю,
Я не знаю, занять тебя как,
Я неловко и робко ухаживаю
И молчу... молчу, как дурак.
Но минуты проходят... Смелее!
Ждать нельзя... Я уже не молчу:
Я — поэт, я, стихами хмелея,
К твоему наклоняюсь плечу.
Ты становишься грустной и нежной
И, как будто вину искупая,
Ты, рукой прикоснувшись небрежно,
Подарила мне ласку... Скупая!

А потом, от стихов моих пьяная,
Ты уходишь... Сгущается мрак.
Знаю: в лунном холодном сиянии
У дверей тебя ждет моряк.
Он тебя обнимает за плечи,
Он уводит тебя, и чудится —
Море шепчет невнятные речи
Где-то рядом — за Ленинской улицей.
К моряку ты прижмешься согреться,
И не знает тот паренек,
Что ему покорить твое сердце
Я

стихами своими

помог.

* * *

Чтобы встретить тебя, родная,
Как придешь незаметно и скромно ты,
Звезды с неба пообрываю
И развешу по стенам комнаты.
На веревку луну заарканю я,
Притяну вплотную к окошку:
«У меня с любимой свидание,
Посвети мне, луна, немножко».
Ты придешь с тем, кто стал между нами,
Он увидит, как будто спяна:
Звезды ползают светляками,
На веревочке ходит луна.
И от этой чудесной картины
Ум за разум зайдет... И тогда
Он сбежит от такой чертовщины,
Нас оставив вдвоем навсегда.

* * *

...И прошлое отбросив мигом,
Одним ударом всё порвав,
Ты укатила в город Ригу
И там купила новый шкаф.

Стоит он символом зловещим,
Едва скрывая торжество,
И шепчет мне, что даже вещи
Уйдут из шкафа моего.

Собравшись в путь, на платье брошка
Блеснет прощально от луча,
По коридору босоножки
Уйдут, чуть слышно топоча.

И две кунички, что лежали,
Умильно мордочки подняв,
И плечи милой обнимали,
Проворно юркнут в новый шкаф.

Предвестием второго брака
(Такого только в дом пусти!)
Он деревянной раскорякой
Стоит у счастья на пути.

Да, к мебели нужны, родная,
И приложения к тому ж,
И скоро явится, я знаю,
За новым шкафом новый муж.

Шаги слышу в коридоре
И вспыхну весь, тебя позвав:
«На! Забери с собою горе
И положи в свой новый шкаф!»

* * *

Ох, уж эта драма вечная —
Неурядица сердечная!
Я хотел бы с ней раскланяться,
Но она со мной останется,
Замутит, закружит голову,
Уведет с пути веселого,
Растревожит болью лютою,
В горе горькое запутает,
В сердце оловом расплавится..
Ан стихи-то и появятся!

* * *

Л. К.

О нет, еще не скоро вечер,
Лишь полдень на моих часах.
Опять летит ко мне навстречу
Любовь на алых парусах.
Она прорвалась сквозь ненастье
Сияньем глаз, дыханьем губ...
Кто говорил, что я, к несчастью,
Какой-то мамонт-однолюб?
И я, склонясь над влагой зыбкой,
Припал лицом и жадно пью
Твое дыханье и улыбку
И прелесть женскую твою,
И в одиночество не веря,
Смахнув с души обиды кровь,
Я раскрываю настежь двери:
«Добро пожаловать, любовь!»

* * *

Л. К.

Ты напрасно голову морочишь,
Ускользнуть надежду затая.
Хочешь ты того или не хочешь,
Будешь обязательно моя.

Я играю напрямик, без правил,
И не раз ты предупреждена:
Я вокруг силки стихов расставил, —
Всё равно запутаться должна.

Ты придешь, веселая и злая,
Потому что нет тебе пути.
Свой испуг старательно скрывая,
Ты придешь и скажешь: «Отпусти!»

Сбудется тогда, о чем мечтаю,
Сбудется тогда, о чем грущу.
Честно, наперед предупреждаю:
Ни за что тебя не отпущу!

НЕВЕСТА

Л. К.

Невеста — какое смущенное слово!
Недаром оно покраснелось, как зорька.
В нем ветер и свежесть воды родниковой,
И страх перед пьяным и ласковым «Горько!».
Оно словно лебедь спит опереньем,
Прозрачными к небу восходит клубами,
И хочется встать перед ним на колени,
И пальцами гладить, и трогать губами.
Ему в словаре на подушке пуховой
Должно быть людьми приготовлено место...
Какое тревожное, хрупкое слово,
Какое смущенное слово — невеста!

БЕССМЕРТИЕ

О, священная молодость наша!
Повторится такая минута ли?
Вот лежит моя дочка Наташа —
С номерком на руке, чтоб не спутали.
Это факел пылающий пóднят,
Чтоб грядущее озарить,
Это, ночь разрывая, сегодня
Протянулась в бессмертие нить.
Знаю: будет такая же ночь,
Повторится эта минута,
Будет плакать Наташина дочь —
С номерком на руке, чтоб не спутали.
Пусть же движется время стеною,
Пусть мелькают года и года...
Факел жизни, зажженный мною,
Не погаснет в веках никогда!

* * *

Всё в нашем доме вверх ногами
Пошло из-за тебя:
Мы над тобой сидим часами,
Любуясь и любя.
Твой голос жалобный и тонкий
Всех радует вокруг...

А где-то там лежит в пеленках
Твой будущий супруг.
Он принимает мир огромный,
Где солнце и цветы
И где лежишь в кроватке скромной
Его невеста — ты.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэмы

Седьмая Ленинградская	7
Здравствуй, отец! (<i>Отрывки из поэмы</i>) . .	19
Пабло Неруда	54
Сцены из жизни Бетховена	58

Стихотворения

„Во все глаза смотри...“	81
Весна	82
Жалоба дворника	83
Ледоход	85
Токсово	86
Солнцу	87
Плюс шесть	88
Дождь	89
Обоз	90
Вечер	92
Бабушка	94
Моя улица	96
На полигоне	98
С утра пораньше	100
Дуб	102
Плюс двадцать девять	103
Ветер	104

Слон	106
Иностранец	107
Цыганка	109
Спорщицы	111
Счастье	112
„Заря-заряница...“	114
Урок	115
Майский жук	117
Ворона	118
Поединок	120
Твой дом	122
До новой встречи	124
„Осень в золоте вся...“	126
„Что мне делать? — скажи, хорошая...“	127
„Чтобы встретить тебя, родная...“	129
„...И прошлое отбросив мигом...“	130
„Ох, уж эта драма вечная...“	132
„О нет, еще не скоро вечер...“	133
„Ты напрасно голову морочишь...“	134
Невеста	135
Бессмертие	136
„Всё в нашем доме вверх ногами...“	137

Лев Савельевич Друскин
„Ледоход“

Редактор Т. Д. Зубкова
Художники В. А. Кустов и Ю. А. Петров
Художник-редактор Г. И. Гунькин
Технический редактор Н. Г. Оношко
Корректор В. П. Иванова

Сдано в набор 28/II 1961 г. Подписано к печати 26/IV 1961 г.
Формат бумаги 70 × 92¹/₃₂. Физ. печ. л. 4,37 Условн. печ. л. 5,12
Уч.-изд. л. 4,47 Тираж 2000 экз. М-31334 Заказ № 407

Лениздат, Ленинград, Торговый пер., 3
Типография им. Володарского Лениздата, Фонтанка, 57

Цена 22 коп.

22 коп.

ЛЕНИЗДАТ

1961